

ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

КРУГОЗОР

2/88

Маршалы М. Тухачевский, Г. Жуков

Встреча с героем повести «Зубр»

Лисатель Витаутас Петкявичюс: кто прав?

Это было совершенно секретно

Певец Виргилиус Норейка

Мазстро Иегуди Менухин в Москве

1

2

7

8

3

4

9

10

5

6

11

12

СЛУШАЙТЕ В ПОЯСЕ

Песни о Советской Армии

Группа «Бригада С»: ритмы для души

Праздник бразильской самбы

Поет Жильвинас Бубялис

В. Хенкин читает Михаила Зощенко

Группа «Джеммини» (Швеция)

М. Г. МАЧИН,
Герой Советского Союза

В начале августа 1942 года мне поручили командовать 2-й воздушной армией генерал С. А. Красовский. Я тогда возглавлял авиационную, которая базировалась вблизи переднего края Воронежского фронта. Шли тяжелые бои с противником, прорвавшим линию нашей обороны и начавшим наступление на Сталинград. В разгар тяжелых боев генерал С. А. Красовский сообщил, что меня вызывает в Москву главнокомандующий ВВС П. Ф. Жигарев.

— Степан Акимович, наверное, меня направляют под Сталинград? — попробовал я хоть что-нибудь выведать у Красовского.

— Ничего не могу сказать! — отрезал командующий армией и повел трубку. Нетрудно было предположить, что намечается что-то весьма серьезное, важное и держится в строжайшем секрете.

В Москву я вылетел один на истребителе. Обходя аэродромы заграждения, приземлился на Центральном аэродроме, недалеко от Ленинградского проспекта. Аэродром я хорошо знал: осенью 1941 года, когда фашисты ломились к Москве, совершил с него немало боевых вылетов. Меня встретил М. А. Маченков — мой старый знакомый по службе на Дальнем Востоке. Поздоровавшись, он без обиняков сказал: «Тебя женили!» На нашем языке это означало, что я получил новое назначение без своего предварительного согласия. «Я куда не поеду!» — решительно ответил ему. Маченков улыбнулся: «Вряд ли у тебя что выйдет. Есть решение» — и показал пальцем куда-то вверх.

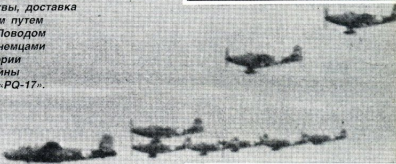
Главнокомандующий, которому я доложил о своем прибытии, ничего не объясняя, сказал: «Вас сейчас поведут в Кремль». Меня, конечно, разбирало любопытство, но спрашивать что-либо было бессмысленно. В Кремле нарком внешней торговли А. И. Микоян сообщил, что я назначен начальником военной миссии ВВС Красной Армии по приему американских самолетов на Аляске, что со мной полетит группа из пятидесяти авиационных специалистов. И добавил: «Операция проводится в строжайшей тайне».

Американские самолеты доставлялись по ленд-лизу в нашу страну двумя путями. Один проходил через Тихий и Индийский океаны в порт Басра на берегу Персидского залива и далее — через Иран в Закавказье. Другой маршрут был короче, но опаснее: суда с самолетами шли через Северную Атлантику в Мурманск и Архангельск.

Летом 1942 г., накануне Сталинградской битвы, доставка самолетов северным путем была прекращена. Поводом послужил разгром немцами крупнейшего в истории второй мировой войны конвоя союзников «PQ-17».

По приказу начальника штаба английского ВМФ адмирала Б. Паунда

он оказался без прикрытия у берегов Норвегии — самом опасном участке маршрута. Из 35 судов, груженных самолетами, танками и другой боевой техникой, 23 были потоплены. После этой трагедии было решено в кратчайший срок начать переноску в нашу страну американских истребителей и бомбардировщиков с Аляски. В свое время эта гигантская операция была глубоко засекречена, но сегодня пришло время о ней рассказать.

МОСТ БОЕВОЙ ДРУЖБЫ

Полковник
**Михаилу Григорьевичу
МАЧИНУ**

В ПАМЯТЬ ЕГО ПРЕБЫВАНИЯ
НА АЛЯСКЕ, ГДЕ ОН ПРОИЗВЕЛ
ГОРОМАННУЮ РАБОТУ ДЛЯ СВЕТА
ОТЕЧЕСТВА И ОБЩЕГО ДЕЛА
СМОУНИКОВ, А ДЛЯ СЕБЯ ЛИЧНО
ПРИБОРЕЛ МАССУ ДРУЗЕЙ —
АМЕРИКАНСКИХ ОФИЦЕРОВ.

27 APR 1944
FRESHMAN, ALASKA

THE UNITED STATES OF AMERICA

BY THE SENATOR FROM ALASKA

THIS CERTIFICATE IS GRANTED TO THE ABOVE NAMED PERSON IN RECOGNITION OF HIS VALUABLE CONTRIBUTION TO THE INTERESTS OF THE UNITED STATES OF AMERICA

LEGION OF MERIT

AWARDED TO

BY THE SENATOR FROM ALASKA

FOR HIS VALUABLE CONTRIBUTION TO THE INTERESTS OF THE UNITED STATES OF AMERICA

Почетный адрес от американских друзей на Аляске и Почетная грамота от президента США Ф. Рузвельта.

Из послания № 23
от 17 июня 1942 года.

Ф. Рузвельт —
И. В. Сталину:

«Посол Литвинов
информировал меня, что Вы
одобрили переброску американских самолетов
через Аляску и Северную Сибирь на Западный
фронт, и я был рад узнать об этом».

Из послания № 25 от 1 июля 1942 года.
И. В. Сталин — Ф. Рузвельту:

«В связи с Вашими последними посланиями
я считаю необходимым сообщить,
что полностью разделяю Ваше мнение
о целесообразности маршрута для переброски
самолетов из США через Аляску и Сибирь
на Западный фронт.
Учитывая это, Советское правительство
уже дало необходимые указания
об окончании в кратчайший срок проводившихся
в Сибири работ по подготовке к приему
самолетов, то есть работ по приспособлению
имеющихся аэродромов и соответствующего
доборудования их.
Что касается того, силами чьих летчиков
доставлять самолеты из Аляски,
то мне кажется, что это дело можно будет
поручить... советским летчикам, которые придут
в Ном... к установленному
времени».

На фото: вверху — М. Г. Мачин (слева)
с подполковником Литлоном и старшим лейтенантом
ВВС США, награжденным орденом Красной Звезды;
в центре — М. Г. Мачин (справа) с полковником
Котиковым и американским инструктором
капитаном де Толли (слева).

Полковник
М. Г. Мачин
на Аляске.

В те дни в Москве миссия ВВС США
во главе с генералом Бродди вела
переговоры о доставке американ-
ских истребителей и бомбардиро-
вщиков по ленд-лизу. Общие поставки
союзников не превысили 40 процен-
тов от нашего промышленного произ-
водства военного времени. Но и эта
помощь была кстати.

3 сентября 1942 года на четырёх
транспортных самолетах мы прибы-
ли в Ном — небольшой городок на
побережье Аляски. Американцы
встретили нас тепло. Их любопы-
тство вызывали наше новенькое,
с иголочки, обмундирование, пугови-
цы и звездочки, которые они за-
писали в записку о качестве суще-
ствующих, заплатки на пробитом фа-
шистскими пулями фюзеляже со-
ветского самолета, побывавшего
не в одной передыжке за линией
фронта.

Во время дружеского застолья,
устроенного в честь нашего прилета,
начальник гарнизона Ном бригад-
ный генерал Джонсел с форпелле-
но и сыграл для нас свои любимые
песни Сергея Рахманинова. А на сле-
дующий день мы уже приступили
к приёму американских самолетов
на аэродроме близ Фербенкса, где
располагалась основная авиацион-
ная база США на Аляске.

Все подсобные и жилые помеще-
ния, столовая, клуб и даже огром-
ный ангар-завод были разобраны по
кури и соединены между собой
подземным отопляемым зимой ко-
ридором. Даже в 40-градусный мороз
под землей работали в одних рубаш-
ках.

Но Арктика все же провила свои
порядки. На аэродроме Чукотки
и Якутии, где зимой было еще хо-
лоднее, стала густеть жидкость
в гидросистемах американских само-
летов — она превращалась в нечто
похожее на студень. Жидкость не
проходила через помпу, подающую
ее к механизмам, которые обеспечи-
вали работу шасси, посадочных
и тормозных щитков. На Краснояр-
ской воздушной трассе скопились
десятки скованных морозом боевых
машин.

Пришлось обращаться за помощью
к начальнику авиабазы в Фербенксе
бригадному генералу Гафни. Он по-
знакомил меня с профессорами
Аляскинского университета, кото-
рые нашли замену одному из компо-
нентов, и жидкость стала более
устойчива к низким температурам.
Несколько бочек ее было тут же пе-
реправлено в Советский Союз. Ожив-
шие «Аэрокобры» и «Бостоны» смо-
гли продолжать перелеты на фронт.

У меня сложились добрые отноше-
ния со многими представителями
военно-воздушных сил США на Аля-
ске, но с особой благодарностью
вспоминаю генерала Гафни. Это был
широкого кругозора человек, честно
выполнивший союзнический долг
в нашей совместной борьбе против
гитлеровской Германии. Он старался
облегчить работу советских людей
на трассе перегона и делал даже то,
что выходило за рамки ленд-лиза.
С его разрешения я переправил на
Чукотку пять сборных щитовых
двигателей для личного состава, десятки
металлических пеньки для подогрева
моторов, роторную машину, способ-
ную быстро расчищать полосу от сне-
га. Однажды на аэродроме в Фербен-
ксе я увидел необычное устрой-
ство — комбайн в виде мощного са-

моходного трактора. На нем было
удачно смонтировано все, что требо-
валось для обслуживания самолета
над одним такой — трактор-комбайн,
кислородом, маслом, зарядка аккумуля-
торов, подкачка гидросистемы,
электросварка. Кроме того, этот
трактор-комбайн, как тягач, буксиро-
вал самолеты. Я обратился к гене-
ралу Гафни с просьбой одолжить
нам один такой — трактор-комбайн.
«Это будет еще один наш вклад в
общую победу,— ошутил он.— Только
как вы его перепоресите? Ведь эта
машина весит почти пять тонн!»

Ни один наш транспортный самолет
не мог принести на борту такой груз.
Американские и наши инженеры на-
шли выход. Трактор-комбайн разоб-
рали и по частям перепоресили по
воздуху. Затем машину собрали снова,
и она надменно несла свою служ-
бу на Красноярской воздушной трас-
се.

Среди американских инструкторов
в Фербенксе, помогавших советским
летчикам осваивать новую боевую
технику, особенно запомнился нам
капитан де Толли — праправнук рус-
ского полководца, воевавшего вместе
с Кутузовым против Наполеона.
Мать де Толли увезла его еще ребен-
ком в США. Он стал первоклассным
летчиком — не было такого типа аме-
риканского самолета, на котором ему
не довелось бы летать.

Потомок Барклая де Толли пре-
менно говорил по-русски. Он охотно
делился с нами своим богатым ави-
ационным опытом. Однажды услы-
шанный от него совет помог спасти
и бомбардировщик, и жизнь нашему
экипажу. За год до этого в Калифор-
нии у капитана де Толли после взлета
сломалась стойка переднего колеса.
Са он не сумел посадить самолет.
И вот теперь точно в таком же, казав-
шемся бы, безвыходном положении
оказался капитан Петр Гамов. Не
растерявшись, он, как когда-то де
Толли, вызвал по радио на посадоч-
ную полосу два «джипа», и когда
приземлившись бомбардировщик
мчался между ними, на оба его кила
была наброшена сеть из канатов.
С ее помощью затормозили бег само-
лета в самом конце аэродрома, в не-
скольких десятках метров от круго-
го обрыва над рекой. Многие амери-
канцы, восхищенные мастерством
и выдержкой Петра Гамова, бросили
его как чачку, да с таким азартом,
что он не на шутку перелугавил, что
вот и теперь ему пришло время
показаться.

В те годы русских и американцев на
Аляске сблизил не только общая
борьба с фашизмом, но и глубокие,
общечеловеческие взаимоотноше-
ния. ■

4 Публикацию подготовил
Олег Чечин

На четвертой звуковой странице
генерал-лейтенант авиации
М. Г. Мачин рассказывает
о необычайном происшествии,
случившемся

с советским штурманом
старшим лейтенантом
И. П. Дьяченко.

Около месяца он провел в тайге
на Аляске, в совершенно безлюдном
районе, куда не могли добраться
даже отважные герои рассказов
Джека Лондона.

Боевые Знамена... Они пламенеют в залах музея, обгабренные кровью, исполосованные пулями и осколками снарядов. На них лежит отсвет походных костров, густо-розовых сполохов артиллерийских канонад, молниеносных залпов ракетных орудий. Под этими знаменами присягали на верность родине Октября, ходили в атаку, встречали победителей, прощались с павшими товарищами. Если бы знамена могли заговорить, мы узнали бы сотни историй о том, как в самые решающие и трагические минуты сражений взметнувшиеся над головами бойцов Красное Знамя придавало им отвагу и смелость и, нередко случалось, решало успех атаки.

Командир 1052-го стрелкового полка Герой Советского Союза полковник А. Пешков вспоминал, как в ночь на 3 февраля 1945 года его полк по ломкому, трещавшему под ногами льду форсировал Одер

рых Владимир Ильич навечно был зачислен почетным красноармейцем.

Немеркнувшей славой покрыты и боевые знамена 21-й стрелковой Пермской Краснознаменной дивизии и ее полков. Волею революции трижды упоминает в своих работах эту дивизию.

Владимир Ильич хорошо знал историю дивизии, его героические дела. Четыре полка этой дивизии отличились в сражениях на фронтах гражданской войны и были удостоены Почетных революционных Красных Знамен, а два из них — награждены орденами Красного Знамени для прикрепления их к уже имеющимся знаменам, как указывалось в постановлениях ВЦИК.

Знамена сражались, как люди, и, как бойцам, им доставались пули и осколки, ожоги и раны. Слово боевыми шрамами испещрены полотнозна знамен 24-го гвардейско-

Советской Армии — 70 лет

ЕСЛИ БЫ ЗНАМЕНА ЗАГОВОРИЛИ

и после жестокой схватки с фашистами захватил плацдарм на западном берегу реки. А утром на полк обрушились лавины контратак — танки и бронетранспортеры с пехотой. Девять атак отразили наши бойцы. Напряжение достигло предела. И тогда, чтобы поднять дух защитников плацдарма, командир полка приказал расчлнить Боевое Знамя и пронести его по траншею переднего края обороны. Каждый боец вставал перед знаменем во весь рост и молча прикасался потвердевшей рукой к красному полотнищу. И в том, что полк выстоял и на следующий день отразил еще шесть вражеских контратак, была и энергия мужества, которую сообщило бойцам Красное Знамя.

В Центральном музее Вооруженных Сил СССР хранятся десятки тысяч боевых знамен — священных реликвий ратной славы советского народа в битвах за честь и свободу Советской Отчизны. Они, эти знамена, как немеркнущие страницы истории Советской Армии, истоки которой уходят в боевой восемнадцатый год.

Первыми воинскими частями, удостоенными Почетного революционного Красного Знамени, стали Пятый латышский стрелковый полк — за освобождение Казани и один из полков знаменитой Чапаевской дивизии. Хранятся в музее и знамена, связанные с дорогим именем В. И. Ленина. Среди них — знамена 195-го и 212-го стрелковых полков, в состав кото-

Советские военные песни.

По образному выражению композитора В. Соловьева-Седого, каждая из них — «барометр своего времени»: Одни песни воевали в период становления Советской власти, носили бундовку и именовались с эскадронами Первой Конной. Другие сражались на фронтах Великой Отечественной войны, воздушевляли тех, кто гримил врага и кто в нашем тылу подгибал армию плечом. Третьи сегодня несут армейскую и флотскую службу, их поют в солдатском строю, исполняют на армейской и флотской сцене.

«КОНАРМЕЙСКАЯ»

Легендарной Первой Конной армии посвящены художественные полотна, кинофильмы, романы, песни и, конечно же, песни. «Конармейская» — одна из них, и, пожалуй, самая лучшая. Первоконники считали ее своим гимном.

Из рассказа ее автора композитора Дм. Покрасса: «Стихи Алексея Суркова встретились мне совершенно случайно. Прочел их в 1935 году в «Правде». Поначалу бросилось в глаза само название — «Конармейская». А когда дошел до строк «Среди дня и пыли мы с Буденным ходили на рысках на большие дела...», заволновался так, что тут же немедленно бросился к роялю и не отошел от него, пока не сложился первый набросок песни.

Случилось все это не дома, в Москве, а в сочинском санатории, где я отдыхал. Так что к вечеру я даже рискнул проверить свою песню на слушателях — отдыхающих санатория. Подпевали мне дружно и заинтересованно. Конечно же, это был еще не окончательный вариант, известный сегодня, но основное мелодическое звено и настроение песни мне тогда уже удалось «ухватить» и зафиксировать. Возвратившись в Москву, показал наброски младшему брату, Даниилу. Вместе привели «Конармейскую» в окончательный вид и решили, что пора бы уже познакомиться и с автором ее стихов...»

О том, как развивались события дальше, речь идет в воспоминаниях Алексея Суркова:

«Позвонил неизвестный мне человек, назвавшийся композитором Покрассом, и попросил послушать песню, написанную им и его братом на мой текст. Мы встретились. Так я познакомился со спокойным, ровным Даниилом и его старшим братом — горячим, темпераментным Дмитрием. Мелодию они написали запоминающуюся, энергичную, эмоциональную.»

Впервые «Конармейская» прозвучала в хроникальной картине «Рабоче-Крестьянская», а вскоре была записана солистом Всесоюзного радиокомитета

го кавалерийского полка — наследника боевой славы кавалерийской бригады легендарного Григория Котовского, 1301-го пушечного артиллерийского полка, 133-го кавалерийского полка, 8-й гвардейской гаубичной артиллерийской бригады, 363-го гвардейского тяжелого самоходного артиллерийского Староконстантиновского полка и многих других.

15 июля 1944 года у литовского местечка Аникщай, на плацдарме за Святой, фашистские танки прорвались к штабу 403-го стрелкового полка. По приказу командира Боевое Знамя сняли с дерева, и комсомолец Анатолий Шагалов спрятали его на груди. Солдат был сражен разорвавшимся снарядом, но знамя полка не погибло. Оставшиеся в живых бойцы собрали его по окрестным кровью лоскутам и вновь пошли с ним в атаку.

Другая история. Боевое Знамя 611-го стрелкового полка обгорело кровью знаменосца старшего сержанта Андрея Елгина. 4 ноября 1944 года он вынесил его из боя в районе города Гольдап, на земле Восточной Пруссии. В неравной схватке с гитлеровскими автоматчиками коммунист А. Н. Елгин по-

лучил шестнадцать ранений, и только сознание того, что у него на груди Боевое Знамя, заставляло его делать шаг и еще шаг вперед, наперекор вражескому огню. За спасение полковых знамен А. Шагалов и А. Елгин посмертно удостоены звания Героя Советского Союза.

Тяжелые ожоги хранит Боевое Знамя 9-го гвардейского минометного полка. Во время свирепой бомбежки с воздуха в штабную машину угодила бомба, возник пожар. Это произошло 8 марта 1945 года в Венгрии. Опаленное огнем красное полотнище спас знаменосец сержант Сажин.

В музее хранятся и знамена, которые были найдены уже после войны. Они, как эхо минувших сражений, окликают нашу память.

В августе 1947 года при переахоронении останков советских воинов в районе села Драчи, что под Каменец-Подольским, на груди воеводчара 3-го ранга П. Павленко под истрешней гимнастеркой было найдено знамя 608-го стрелкового полка. Знамя лет хранила его родная земля, и теперь оно, как залуженный воин, несет службу в Центральном музее Вооруженных Сил. Сюда же в 1961 году передано Боевое Знамя 60-го отдельного разведывательного Кавказского батальона, найденное в лесной чаще, неподалеку от села Подвысокое, Уманьской области. Через год в музей поступило другое знамя — 487-го стрелкового полка, закопанное в свое время под корнями яблони бойцами, оказавшимися в безысходном положении. Они погибли, но знамя спасли, чтобы их наследники, сегодняшние солдаты, также достойно берегли честь Боевого Знамени.

Если бы знамена заговорили... Хотя прислушайтесь. Эти знамена не молчат — каждое из них несет неслышим поведать о мужестве и героизме тысяч и тысяч бойцов Советской Армии. Знамена как эстафета. И сегодня они помогают нести нелегкую, но почетную службу молодым воинам — наследникам боевых традиций своих отцов и дедов непобедимой и легендарной Красной Армии. ■

В. ГОЛОВЕШКИН,
старший научный сотрудник
Центрального музея
Вооруженных Сил СССР
фото А. ЛИДОВА

На первой звуковой странице вы услышите редкие архивные записи И. И. Подвойского, маршалов И. Н. Тухачевского, С. М. Буденного, Г. К. Жукова, генерала А. И. Родимцева и ветерана войны П. И. Головкина.

Л. Хачатуровым. Хором и оркестром радио дирижировал Дм. Фокс.

Песня, посвященная боевому пути и победам военных-первооткрывателей, звучала во время гражданской войны в Испании в окопах республиканских бойцов. Она была включена в сборник «Песни интернациональных бригад», составленный и подготовленный к печати певцом-антифашистом знаменитым Эрнстом Бушем. Известны многочисленные варианты «Конармейской», звучащие в годы Великой Отечественной войны. Закончить рассказ об этой нестаряющей песне хотелось бы словами поэта:

«Слышал я однажды, как на Тверском бульваре дошлиплили из детского сада совершенно серьезные «вспоминки»: «Среди зноя и пыли мы с Буденным ходили на рысях на большие дела...» Было это и смешно, и трогательно».

«АРМИЯ МОЯ»

Среди песен о современной армии заслуженной популярностью пользуются произведения композитора Александра Абрамова.

Давно и внимательно слежу за его творчеством, не однажды бывал на встречах композитора с теми, для кого создает он свои произведения, и видел, с какой теплотой принимают их войны. Смотрящих, и зазвучала какая-либо из них в солдатском строю или на армейской сцене. Так было и с песней «Армия моя», которая уже несколько лет неизменно входит в репертуар многих армейских коллективов.

Родилась она и впервые прозвучала в дич, когда Советские Вооруженные Силы отмечали свое 60-летие. Исполнил ее народный артист СССР Юрий Богатиков.

«Его исполнение запомнилось и глубоко взволновало меня,— вспоминает автор слов поэт В. Плaksin.— А однажды вечером я услышал, как поют «Армию мою» солдаты из стройбата на вечерней прогулке. Пели они дружно и, я бы отметил, с удовольствием. Последнее более всего порадовало меня». Хорошо «вписалась» эта песня и в телевизионный многосерийный фильм «Алые погоны», рассказывающий о судьбах суворовцев.

Торжественным гимном в честь нашей доблестной армии, стоящей на страже мирного и созидательного труда советского народа, звучит эта песня на Красной площади во время военных парадов и праздничных демонстраций.

Ю. БИРЮКОВ

На седьмой звуковой странице — песни «Конармейская» (Дм. и Д. Покрасс, А. Сурков) и «Армия моя» (А. Абрамов, Р. Плaksin) в исполнении дважды Краснознаменного имени А. В. Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии.

«С огромным интересом прочла повесть Даниила Гранина «Зубр». В ней автор упоминает о записанных на пленку рассказах главного героя — известного ученого-генетика Н. Тимофеева-Ресовского. Очень хотелось бы услышать голос этого замечательного человека».

Л. АНИЩЕНКО, г. Харьков

Нам повезло. Удалось разыскать сохранившуюся в фондах МГУ запись воспоминаний Н. Тимофеева-Ресовского о самой счастливой поре его жизни, когда он начал заниматься экспериментальной биологией. Это были 20-е годы, когда генетика в нашей стране в школах Н. Вавилова и Н. Колцовых обрела мировую славу. Автор повести Даниил ГРАНИН в беседе с корреспондентом журнала Т. Померанцевой размышляет о тех нравственных проблемах, которые он стремился постичь на судьбе главного героя книги.

— Даниил Александрович, судьба Зубра поражает многих тем, что часто победы приводили его к испытаниям, а испытания — к победам.

Д. Гранин. Да, так случилось, что в 1925 году директор Берлинского института мозга профессор Оскар Фогт попросил у наркома здравоохранения Н. А. Семашко порекомендовать ему молодого генетика. Семашко посоветовался с Н. К. Колцовым, и тот предложил кандидатуру лучшего своего ученика Николая Тимофеева-Ресовского. Это были впервые оценка молодого ученого и признание его вклада в мировую науку. Но они обернулись потом для него цепью суровых испытаний. Война, ставшая Зубра в Германии, лишила его Родины, сына, потом свободы. Любое из этих лишений было убийственным. Но самым страшным стало испытание, когда его хотели лишить честного имени.

— За верность Зубра истине в биологии, за его открытое выступление против «лысенковщины», разгромившей генетику в нашей стране. Последствия ее сказываются и сегодня: отечественная генетика отстает от мирового уровня. В незначительной степени «лысенковщине» надо поставить в вину и наши продовольственные трудности. Какую же борьбу пришлось вынести тогда Зубру, поставив на карту собственную судьбу!

Д. Гранин. В ученом Н. Тимофееве-Ресовском приспешнике Т. Лысенко учуяли противника опасного, авторитетного в мире. Пустили слух, что в Германии он работал на гитлеровцев. Пошли анонимные письма в ЦК, в Академию наук. Фактов не приво-дили, клевета не нуждается в доказательствах. В измышлениях не стеснялись. А человек, который жил и работал в Германии во время войны, уже за одно это принимался неприязненно. Так что расправляться с ним было безопасно. Запеленных дел мастеров за руку не хватало,

и они грозили ложь на ложь. Но Зубр отмалчивался. Ему ничего не стоило собирать свидетельства военнопленных, которых он спасал в Германии, прятал у себя, собрал письма, справки, фотографии. И он предстал бы перед людьми как один из героев антифашистского Сопротивления, советский ученый, который, отвергнув свою безопасность, включился в борьбу с фашизмом в центре Германии. И даже когда потерял сына, все равно не отступил.

— В своей повести вы пишете, что пытались постичь вопрос: почему же это за сила удерживает человека, не позволяет сдаться перед злом, запрещает пресмыкаться, подкалывать? Постигли ли вы это? На чем зиждется нравственность человека?

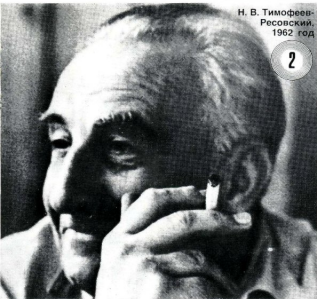
Д. Гранин. По мере того как я углублялся в эту действительно довольно сложную нравственную проблему, я понимал, что независимость Тимофеева-Ресовского, его ощущение свободы и ответственности перед Родиной, перед историей должны на чем-то основываться. Должна быть какая-то внутренняя подпорка для души, источник силы. Почему один человек может противостоять злу, несправедливости, мерзостям разным, а другой ломается, сгибается, идет на компромиссы, на сделки и т. д.

До чего я тут докопался? Докопался я до его жизненной философии, жизненного кредо, его нравственного фундамента. Этот фундамент состоял в том, что он считал добро абсолютным, а зло относительным. В основе всего существование мира, природы и человека лежит добро. Без этого мир существовать не может. А зло появляется и исчезает... И вот эта вера в то, что добро является основой всей жизни, помогла ему. Еще была вторая вещь — не менее важная для него.

В нем жило чувство ответственности перед предками. Я страшно ободрадовался, когда нашел у Пушкина, в чем секрет «самостояния» человека: «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». На судьбе Тимофеева-Ресовского, на его истории жизненной я увидел возможность противостояния, или «самостояния», как называет Пушкин. Тимофеев-Ресовский знал своих предков. Вот мы не знаем, а он знал. Знал бабушек, прабабушек, дедов, прадедов, прапрадедов. Огромное генеалогическое древо по линии отца и по линии матери. Он знал про них все, и он являлся сам частью этого древа. И понимал, что и дальше будут люди, которые будут носить его фамилию, знать о нем, сопоставлять.

Вот это ощущение чести своего рода, которую он не имел права уронить, запятнать, конечно, помогало ему держаться. В нем было такое чувство достоинства, которого было вполне достаточно, чтобы ощущать свою правоту и превосходство над

Н. В. Тимофеев-Ресовский, 1962 год

2

клетветникам и не опускаться до

объяснений, оправданий. Правда, клетветникам поверили многие честные, порядочные люди. Но те, которые близко с ним общались, его ученики, его сотрудники никогда не верили клевете. И, более того, делали все, чтобы ее опровергнуть. Алексей Владимирович Яблоков, Николай Николаевич Воронцов, Лев Александрович Блюменфельд, Иванов Владимир, Иванов Валерий — они все делали для того, чтобы доказать истину: собирали документы, посылали их в разные инстанции. Зубр уходил от всего, не желая принимать никакого участия в этом. Нам совершенно непонятно, как человек, имеющий столько заслуг в антифашистской борьбе, не стремился подтвердить это, а тем более, когда ему бросали в лицо страшные обвинения. Я с трудом вник в состояние его души. Но потом понял, что он был выше клеветы. Он-то знал, как было на самом деле, и этого было для него достаточно. Он был чист перед собственной совестью.

— В повести вы писали о том, что большую роль играли и его мысли о смертном часе: когда человек подводит итоги своей жизни, он должен чувствовать, что прожил достойно.

Д. Гранин. Да, он даже рассказывал о том, как надо умирать, о том, как надо жить, чтоб умереть с достоинством. Между прочим, я с этой проблемой сталкивался, когда мы с Алесем Адамовичем писали «Блокадную книгу». Было очень много смертей в блокадном Ленинграде. И вот проблема смерти — она вставала перед людьми. Как не «расчеловечиться» в страшных условиях, где борьба за жизнь, борьба за кусок хлеба толкала к эгоизму, беспощадности, низменным поступкам? Большинство ленинградцев думали и заботились о том, чтобы остаться до последней минуты человеком, не позволить себе унизиться, пасть. Остаться человеком — это значит остаться самим собой, сохранить верность всему, что проповедовал, во что верил. Человек не имеет права на то, чтобы жить за счет других, выживать за счет других, не имеет права опуститься до животного эгоизма. Эти принципы сохраняли, не считаясь ни с голодом, ни с морозом, ни со страхом, ни с чем.

— Даниил Александрович, согласитесь, что есть люди, которые не всегда следуют этим принципам. В вашей повести на примере некоего Д. вы наметили важную тему — как «изготавливаются» подлецки, как вырастает ненависть.

Д. Гранин. Этот Д. был человеком, несомненно, способный, который имел все возможности стать крупным ученым. Но так сложилась его судьба, что он столкнулся с моим героем, с Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским. И вот ощущение того, что рядом есть человек,

который его превосходит, не давало ему покоя. Зависть — а зависть — страшная вещь! — деформировала его характер, искажила жизнь, довела его до подлости, доносителизма, до того, что он стал, говоря откровенно, подлецом — человеком, который причинил много зла и несчастий. Это в какой-то мере Сальери. Пушкин, конечно, гениально раскрыл тему зависти — как она человека делает преступником, негодяем. Вот я и попытался проследить на судьбе Д., как это у него происходило. Но отличие его от Сальери состоит в том, что Сальери шел сам к этому, его никто не толкал, а Д. подталкивали обстоятельства жизни, которые в те годы оправдывали доносителизм, клевету, так называемую «обидность» и прочими мотивами.

— Вы говорили, что мечтаете написать книгу о чести и бесчестии и обратиться в ней к постулки, известные по разным источникам, — примеры порядочности, добра и красоты души.

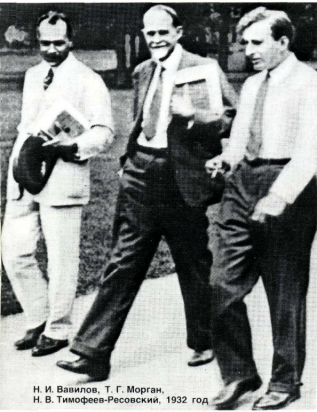
Д. Гранин. Я не буду приводить тех историй, которые я собираю, а ограничусь только одним примером из жизни Тимофеева-Ресовского, моего героя. Примером, который стал мне известен только сейчас, к сожалению, после публикации книги. Недавно один из его учеников приехал ко мне и рассказал, что незадолго до смерти Николай Владимирович встретился с одним из своих учеников и тот стал его пытаться: «Николай Владимирович, нас всех давно интересует одно основополагающее открытие, которое вы приписывали своему учителю Кольцову. Мы все, изучая ваши работы, считали, что сделали его вы!» И он вынужден был признать, что это действительно его собственное открытие, которое он приписывал Кольцову, потому что у Кольцова было несколько намеков на эту идею. Впрочем, точно так же Н. К. Кольцов приписывал ученому А. А. Колли открытия в генетике, связанные с матрицами. Это удивительно — отказывая от авторства, но ему хотелось отдать должное своему учителю. Он был настолько душевно богат, богат идеями, что ему больше радости доставляло дарить, чем обладать.

Это был великий ученый. Но все это стало выясняться только сейчас и еще выясняется. Вот недавно, например, появилась в английском журнале «Nature» статья лауреата Нобелевской премии Перуца, в которой показана значительность основополагающих работ Тимофеева-Ресовского для всей современной генетики. И выявление значимости для мировой биологии и генетики этого ученого продолжается и нарастает.

Воспоминания Н. В. Тимофеева-Ресовского записал на пленку в 1975 г. старший научный сотрудник ИГУ В. Д. Дувакин. Слушайте вторую звуковую страницу.

ДАНИИЛ ГРАНИН: КОМУ БЫЛ СТРАШЕН ЗУБР?

ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Н. И. Вавилов, Т. Г. Морган, Н. В. Тимофеев-Ресовский, 1932 год

Л. ШЕПЕТИС,
секретарь ЦК КП Литвы

Древние греки, которые обладали разносторонним и цельным взглядом на человека, как правило, увязывали нравственность с общественной активностью, эстетическим воспитанием. «Добродетели — говорит Аристотель — сопутствуют доброты, порядочность, совестливость, надежда на лучшее, признательность, равно как любовь к домашним, друзьям, товарищам, чужеземцам, а также человеколюбие и любовь к красоте».

Конечно, главное, чтобы молодые люди, как говорится, с молоком матери впитывали любовь к труду. Но об этом особый разговор. Сейчас же хотелось бы сказать, что ныне, когда нас стали глубоко занимать проблемы нравственности, человечности, духовности, когда мы стремимся отыскать те социально-этические факторы, которые всегда важны в переломные моменты общественной жизни, как, например, в период перестройки, мы серьезно задумываемся над проблемами эстетического воспитания молодежи.

В драматическом театре небольшого литовского городка Паневежиса в течение всего театрального сезона действует выставка изобразительного искусства. Это своеобразный мостик «от вешалки», от бытовых забот к миру духовности, к миру театрального чуда. Но эстетическая среда важна не только в театре.

Однако, параллельно занятию, как правило, текущими, большей частью практическими делами, мы привыкли отодвигать заботы о душевном строе человека, о красоте среды его обитания на завтра, когда будут средства, возможности... Но человеческая жизнь не бесконечна, а ее эстетическая сторона необходима человеку, как лучи солнца, с первого его взгляда на мир.

Глубоко уверен и в том, что личное участие в любом виде творчества, в самом его процессе позволяет человеку воспринимать великие законы искусства, его облагораживающую силу. И хорошо, что у нас в Литве есть общество народного искусства, знаменитые праздники песен. Когда по телевидению передается песенный конкурс «Дайну дайняле», без преувеличения, его смотрит вся Литва — и стар, и мал. Конечно, большинство участников праздника не станут профессиональными певцами или работниками искусства, но то, что они прикоснулись к великой тайне прекрасного, оставит глубочайший след в их жизни.

И все же основы эстетического воспитания, чувство прекрасного

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА ПРЕКРАСНОГО

Соревнования народных мастеров, праздники песни и семьи очень популярны в Литве.

закладываются прежде всего в семье. Трудно проагандировать, скажем, классическую музыку, если дети у себя дома постоянно видят, как отец и мать с первыми звуками симфонического оркестра поспешно выключают радио или телевизор. Приходится слышать от родителей, что они не находят общего языка с детьми, особенно с подростками. Уверен, что с помощью искусства этот язык найти легче. Скажем, семейное чтение книг, семейное музицирование...

Спросят, зачем дома читать вслух, если наши дети читают уже чуть ли не с пяти лет. Однако здесь играет роль личностное воздействие. Ребенку всегда важно, кто читает, ему хочется высказаться самому, может быть, поспорить о прочитанном. Кстати, мне больше всего запомнились те романы, которые я в детстве читал отцу. Возможно, первые попытки объяснить литературные страницы ближнему человеку и стали первыми уроками эстетики.

Хочу рассказать о знаменитом у нас в Литве ансамбле семьи Гайжаускасов. Отец, композитор Юргис Гайжаускас, создал ансамбль народной музыки, который ныне известен по всей республике. Правда, и семья эта большая: отец, мать, десять детей, а теперь уже и внуки композитора. Кстати, профессиональными музыкантами стали только трое. Однако в ансамбле все участвуют успешно: и кандидат математических наук, и художник по металлу, и столяр, и воспитательница детсада, и учительница...

В прошлом году мы попытались провести смотр семейного художественного творчества под девизом «Красива наша семья». На сцене не только играли, пели, танцевали, но и резали по дереву, рисовали... И главным тут были не конкурсные, состязательные начала, а праздник и красота общения людей, разнообразные их увлечения.

Я говорю о том, что реально существует, что стало традиционным. Но не надо забывать, что эстетическое воспитание, трудовое, нравственное воспитание в школе, семье, на улице нельзя обособлять: они приносят плоды только в естественном переплетении. И все наши усилия надо направлять на воспитание гармоничной личности. Личности, способной на созидание, стремящейся и себя, и мир сделать лучше, чище, возвышеннее. Тогда не будет возникать вопроса «Легко ли быть молодым?», как в одноименном фильме. Трудно быть молодым, потому что у них впереди вся жизнь, им продолжать строить новое общество, и они должны быть во всеоружии к этому готовы. ■

ЙОНАС ЯКШТАС

ОТЧИЗНА

*Из зимы твоей выбежал я,
из дремотной прохлады живьяя,
о ты, сказочный край мой, отчизна.*

*Еще сено в моих волосах,
весь я липовым медом пропах
и твоим плотным дмотканом.*

*Как овечек безропотных гурт,
реки, тропки за мною бегут,
а твой ветер лицо проясняет.*

*Вижу каждым окном хуторов,
плачу стужей твоих вечеров
и смеюсь твоей нивой цветущей.*

*Запылилась листва и трава,
запылилась моя голова,
полотно дмотканое, окна.*

*Каждый мой оствывающий год
озарит, словно липовый мед,
твоя теплая тень,
край отцовский!*

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ РАБОТ

*Солнце клонится в рябину,
сумерки встают над лесом,
в вышину уходят росы
на уснувших луговинах.*

*По проложенным тропинкам,
капельки росы смахнувши,
с гулкого вернутся луга
наши летние труды:
сено мы сгребали,
жали рожь,
теребили лен,
вспахивали землю.*

*Вот они домой вернулись.
Отдохнув после работы,
мы им всем почет окажем,
усадив с собой за стол.*

*А потом мы их уложим
в мягкую кровать, укроем
собственной душой — пуская же
отдохнут до летних дней.*

*И зимою будет пахнуть
запахами лугowymi,
этот теплый нежный запах
стужу зимнюю всгунет.*

РЕКА ДЕТСТВА

*Что нам так дорого на этой
земле — почти не сохранилось.
Разглядываю мостик ветхий.
Куда же речка скоронилась?*

*Кто заругает, что нет местечка,
где видишь небо с облаками?
Я столько раз ходил по речке,
что вычерпал ее шагами.*

ТЫ БУДЬ

*Без окончания будь, исток,
и без начала будь, исход,
ты будь волнения будь, поток,
и будь волнением без вод,
светилом ты без неба будь,
без солнца небом будь смоги,
ты будь, безбрежный водный путь,
и берегами без реки,
ты без зимы будь, снежный ком,
зимой, когда сошли снега,
будь пламени будь огоньком,
будь пламенем без огонька,
а также будь, безгласный зов,
ничем не порожденный глас,
оконным светом без домов,
уютным дом, где свет погас,
без ночи днем ты быть сумеи,
будь дня затишем ночным,
будь прошлым без грядущих дней
и только будущим одним,
будь словом, потерявшим смысл,
будь смыслом, когда слова ушли,
ты будь землено без могил,
будь мне могилей без земли.*

ЧУЖАКИ — НИКОГДА

*Обращаю я в сторону вечера взгляд —
и минуешь снова такое далекое.
И все окна распахнуты прямо в закат,
ходят люди чуть видной дорожке.*

*Будет звук потемневший бродить у окна,
и вершины деревьев
стоять просветленные.
И внезапно, как буря, ворвутся в меня,
громыхнув голоса отдаленные!*

*Не виновны, что порознь рождаются
должны,
и желания мы пожинаем различные.
Разделяют озера, слова и дожди,
разделяют года и обычаи.*

*Но друг к другу стремиться
мы будем всегда —
мы друг друга совсем обмыслился.
Далеки — это да,
чужаки — никогда,
словно птицы мы перекликаемся.*

ТУМАН

*Мир убежал, как пес, и не вернется,
я не познал его до сей поры.
Но и туман иссякнет — ведь до донца
его должен сонный пес жары.*

*Заставив улицы бежать по жиле,
мы с прошлым расщавились,
будем вновь
все так же проживать, как прежде жили,
от «с добрым утром» до «приятных снов».*

*На землю облака легли тенями,
а завтра солнца целый день светить!
Но как же быть нам с прожитыми днями,
остаток дней чему нам посвятить?*

Перевод А. Давыдова

Рассказы и повести Михаила Зощенко написаны так, что некоторые фразы из них просто прочтятся, чтобы их произнесли вслух, прочитали бы друзьям, родным, знакомым: «Недавно в нашей коммунальной квартире драка произошла. И не то что драка, а целый бой...» Начав цитировать, трудно оторваться от столь колоритного текста и не произнести еще хотя бы нескольких строк: «...Дрались, конечно, от чистого сердца. Инвалиду Гаврилову последнюю башку чуть не оттяпали. Главная причина — народ очень уж нервный. Расстраивается по мелким пустякам. Горячится. И через это дерется грубо, как в тумане...»

О секретах мастерства Зощенко написаны уже многие тома. Но, кажется, только сейчас, в конце восьмидесятых, когда наконец-то изданого трехтомное собрание сочинений, когда появляются одно за другим серьезнейшие исследования наших литературоведов и столь многое меняет, проясняет, делает более отчетливыми и несомненным самой верный и беспристрастный судья — время, мы можем достаточно глубоко понять и верно оценить некоторые особенности творческого наследия Михаила Зощенко.

Уже в 20—30-х годах его смешные рассказы часто читали Хенкин, Ильинский, Бениаминов, Утесов... Читали по-разному, но прежде всего изображая и подчеркивая комизм ситуаций, смакуя удивительный зощенковский язык.

«Всем нам, — говорил много позже, в 70-е годы, в одной из радиопередач Игорь Ильинский, — очень нравилось читать Зощенко, потому что, во-первых, он был очень доходчив до зрителя, слушатели его очень любили. Во-вторых, он давал благодатный материал для раскрытия способностей каждого, кто эти рассказы с эстрады читал. В то время многие из нас, и я в том числе, увлекались некоторой театрализацией, может быть, лишними красками, и вот наиболее взыскательная публика считала, что лучше всего читает рассказы сам Михаил Михайлович».

Сохранявшаяся запись авторского чтения и мемуары современников свидетельствуют о том, что во время выступлений писатель

Михаил
Зощенко.
1925 год

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО: «Я СТОЮ ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ ЧИТАТЕЛЯ...»

На одиннадцатой
звучковой странице
вы услышите
рассказ Зощенко «Монтер»
в исполнении народного
артиста РСФСР
Владимира Хенкина (1883—1953).
(фото справа).
Этот выдающийся советский
комический актер был мастером
пародии, юмористических
зарисовок, сценки,
он с одинаковым успехом читал
рассказы Чехова
и современные
фельетоны.
Был ярк в оперетте
и на сцене Московского театра
сатиры,
где играл почти 20 лет.
Существенное место
в концертных программах
Хенкина занимали рассказы
Зощенко. Хенкин создал
как бы свою
собственную их версию.
Предваряет
архивную запись
«Монтера» писатель В. Палаков.

был совершенно серьезен, и когда ему приходилось останавливаться, так как взрывы смеха заглушали его слова, то он глядел на слушателей с некоторым даже удивлением и вроде недовольством: чего-де с вами такое и почему вы, собственно, смеетесь? Ничего смешного тут нет, и с вашей стороны странно и невежливо смеяться и мешать.

Такая манера авторского чтения некоторых слушателей даже разочаровывала. Долгие годы многие читатели да и критики считали Зощенко прежде всего забавным юмористом и за смешными словами и выражениями не видели обличения писателем хамства и мерзости, не слышали глубокою грусти человека, узавленного теми уродствами, о которых он рассказывает. Многие из своих «героев» казались ему скорее несчастными, чем смешными, а ситуации, им описываемые, — скорее страшными, чем забавными. Не случайно одному из наиболее проницательных наших критиков, К. И. Чуковскому, особенно примечательными показались следующие слова Зощенко: «Я подумал о смехе, который был в моих книгах, но которого не было в моем сердце».

Михаил Зощенко писал: «Мещанство у нас, несмотря ни на что, еще чрезвычайно сильно. И оно тем сильнее, чем находится в скрытом виде. И говорить с ясным взором, что у нас нету мещанства, но что у нас есть только волкитчики, бюрократия и расстратчики, — это есть самое грустное непонимание жизни, самая вредная точка зрения, так сказать, «бюрократическая отписка».

...Я тоже за перестройку. Но только я стою за перестройку читателей, а не литературных персонажей. И в этом моя задача. Перестроить литературный персонаж — это дешево стоит. А вот перестроить читателя, заставить читателя отказаться от тех или иных мещанских и пошлых навыков — вот это будет правильное дело для писателя».

Снижение рассказов Зощенко до уровня «случая из жизни», которое нередко видишь и сегодня в концертных залах и на телевизионном экране, свидетельствует о том, как много еще нам нужно распознать и почувствовать в творчестве этого талантливого, мужественного писателя. ■

Когда Менухин, отыграв «бисы», решил, что концерт окончен, он выходил на эстраду без скрипки. Инструмент на эту минуту отдавался Игорю Ойстраху. Провожаемый овациями, Менухин возвращался за кулисы, брал скрипку и шел давать автографы. Подписывая, он всегда спрашивал: «Для кого?» — и писал имя, потом выводил свое по-русски: «Иегуди Менухин». Нашему журналу он написал: «Для читателей «Кругозора». Спасибо за прием, который вы мне оказываете».

Прием ему был оказан действительно горячи. Дело не только в его масштабных программах (три концерта или три сонаты за вечер — не так уж редко это бывало), не только в его ностальгической встрече с Москвой, его открытых уроках в Ленинграде, не только в его жадном внимании к нашей действительности.

Дело в той необычайной серьезности и высоте отношения Менухина к игре на скрипке, которую хочется назвать не выступлением, не концертом, а какой-то миссией музыкального свойства. Каждый исполненный им концерт — Бетховена, или Бартока, или трюнной баховский, который он играл с Игорем и Валерием Ойстрахами и Ген-

надием Рождественским (на этот раз не только дирижером, но и клавишником) — был монологом, посланием, переданным от композитора публике через посредника — исполнителя.

Вот это отношение, свое особое осознание музыкальных явлений (и не музыкальных тоже, конечно) типично для Менухина. Мне послативилось слушать его в первый приезд в СССР в самом конце 1945 года, когда он впервые встретился и выступил с Давидом Ойстрахом. Тот приезд к нам был для него, как он сказал теперь, «свиданием с Россией человека, который в глубине души всегда чувствовал себя связанным с нашей страной». Связанным через отца, уроженца Гомеля, и мать, родившуюся в Крыму. «Ведь недаром же мама одну из моих двух сестер назвала Ялтой!» — смеялся Менухин. — Но, — продолжал он, — в сорок пятом я открыл для себя то, что я называю драматическим началом в русском искусстве. Об этом я ничего не знал. Я не учился у петербуржца Ауэра, мои педагоги были румын Энеску, немец Бюш, американец Персингер. А тут в Москве я столкнулся с иным, неизвестным мне доселе феноменом — драматическим «диземом», который, как мне кажется, стоит перед всем здешним искусством — музыкой, живописью и театром тоже».

Интересно, что именно тогда, в 45-м, Менухин, попав в Центральную музыкальную школу при консерватории в Москве, бросился организовывать такую же или нечто подобное в Англии. Он создал свою школу в Сток Д Аберноне. И чрезвычайно интересен его взгляд на обучение детей музыке. Он перечислил нам «порядок ценностей» в этой школе. Первым по рангу идет человеческая ценность ребенка, лишь потом — музыкаль-

ная. И непременно — широта взгляда на музыку на людей, на природу Широта, которую демонстрирует и сам Менухин. «Чтобы почувствовать природу, в нее надо погрузиться с головой», — говорил он. — Знаете, иногда мне кажется, что я могу встать со скрипкой где-нибудь среди улыбок и игрой управлять движением пчел».

Кстати, к пчелам Менухин возвратился в разговоре еще раз: «Вы видели, как они собирают нектар? Кажется, что они тщательно исследуют сокровенные тайны цветка. Вот так же и исполнитель должен увидеть за нотами истинный смысл музыки, внутренний ее мир...»

Потом он вдруг как бы остановил быстрое течение беседы. Две гигантские фигуры замедлили ход мысли, Бетховен и Барток. Оба они — бунтари, музыканты-философы, протестующие против всего того, что плохо в мире, что несправедливо, что унижительно. Музыканты должны связывать нити, порванные людьми в войнах, в междоусобицах, в губительных для человека конфликтах.

И тут неожиданно Менухин снова заговорил о детях, третью начал жизни. О детях, о том, как тонко и горячо чувствует ребенок жизнь, как осаждают его мечты, как он любит, как ощущает музыку. И я вспомнил простую перлонтовскую строку: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал».

Детская чистота восприятия, вихрь фантазии, сила и благородство мысли — все это слышно в голосе скрипки Иегуди Менухина. ■

Артём ГАЛЬПЕРИН

На фото сверху: Иегуди Менухин, Игорь и Валерий Ойстрахи солируют в концерте Баха для трех скрипок с оркестром.

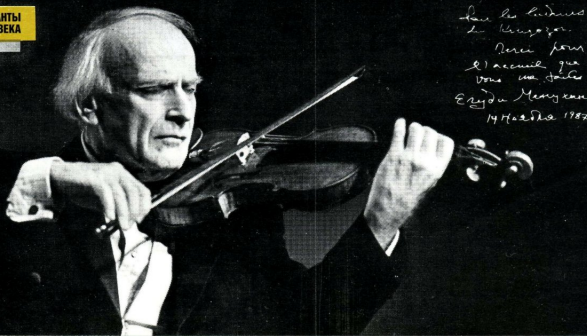
Фото А. ЛИДОВА

СВЯЗАТЬ НИТИ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ...

ВЕЛИКИЕ МУЗЫКАНТЫ XX ВЕКА

На шестой звуковой странице — голоса И. Менухина, Г. Рождественского, Игоря Ойстраха, записи исполнения И. Менухина.

6

*Sur les indices de Mendelson
Necesse pour
l'ensemble que
vous un autre
Egudi Menuhin
14 Mars 1982*

Тираж произведений Витутасаса Петкявичюса перешел за три миллиона экземпляров. Многие книги писателя переведены на иностранные языки. В комсомол он вступил в подполье, участвовал в ликвидации антисоветских банд, лично брал главаря «зеленых». Жизнь у него сложная, а, впрочем, бывают ли простые жизни?

Наш первый вопрос Витутасу ПЕТКЯВИЧЮСУ:

— Как вы оцениваете день сегодняшней?

В. Петкявичюс: В нашей жизни были дни разные: суровые и холодные, мрачные и дождливые, а сегодня пришел ясный день. Он помог четко увидеть все, что было в нашем прошлом, да и дорога в будущее ясна. И, главное, определить свою позицию, свое место в той работе, которую ведет партия.

Есть сегодня и большие проблемы. Откровенно говоря, эко-

номика у нас в республике не блестяет, не блещет и наука. Едва ли не каждый день узнаешь, сколько человеческих мыслей осело в чиновничьих папках. Почему так получилось? Ученый изобрел, а кто-то не дал изобретению ход, потому что не увидел перспективы нового или за свой решающий голос хотел стать соавтором, а его отвергли. Вот и застряло изобретение, и государству нанесен ущерб, заторможено развитие науки, произведено лишнее экономическое эффекта. Спрашивается: кто он, этот злой гений? Вы ответите: бюрократ. Нет, хуже. Он преступник. И перестройка, правда, не везде быстро, как хотелось бы, сметает эти преграды с нашего пути.

— Вам всегда были близки проблемы молодежи. Ваши романы «Рябиновый дождь», «Шестнадцатилетние» — это произведения, герои которых говорят с сегодняшней молодежью на равных. И все-таки почему, когда мы беремся за воспитание наших детей, мы подчас встречаем их негативную реакцию?

В. Петкявичюс: Неудивительно! Смотрите, как мы воспитываем молодежь. Юридическое воспитание — пожалуйста, экономическое — тоже, трудовым занимаемся. Но мы абсолютно не говорим о человеке как о цельной личности. Помню один случай. Время было позднее. Я вышел на притихшие вильнюсские улицы. На столе

было как-нибудь выплеснутое сквишуванье в груди радостью, поделится ею. Они вышли на мостовую и заткнули народную песню, после каждого куплета скандируя: «Жаль-ги-рис!». «Литвал!». Я шагал вместе с ними.

Однако не всем понравилась эта рвущаяся из-под скромных курточек радость. Перед нами завизжал тормозами остановившийся патрульный автомобиль. Милиционеры стали грубо толкать больничников, разгоняя их. Потом прибыло еще несколько милицейских машин. Молодежь разогнали. Случай приобрел общественность, его широко обсуждали в прессе. Милицейские руководители получили взыскания. Однако недоброе дело уже было сделано. Моя статья, посвященная воспитанию молодого поколения, присохла к привальному столу, а я перебираю в уме, сколько всего за мой не такой уж короткий век мы запрещали молодежи. И что, даю это добрые плоды? — Есть такой метод: воспитание доверием. Не слишком ли часто мы забываем о нем?..

В. Петкявичюс: Поднимаем его порой одним лишь «методом запретов». Вот и сейчас у нас в республике дети до шестнадцати лет не допускаются на стадионы без родителей. До восемнадцати лет они практически не могут работать по найму, водить автомобиль, нести материальную ответственность.

Не так давно мы запрещали молодежи носить узкие брюки, по-

На третьей звуковой странице — продолжение беседы корреспондента «Кругозора» Ю. Короткова с писателем Витутасом Петкявичюсом.

Фото А. ЖИЖОНАСА

ВОСПИТАНИЕ ДОВЕРИЕМ

осталась недописанная, полная сомнений и полемического запала статья о проблемах воспитания молодежи.

На улице ко мне подбежала группа подростков. «Дяденька, снимайте берет, — кричали они, — «Жальгирис» — чемпион!» Мне показалось, что, воодушевленные этой новостью, ребята готовы были на все — прыгнуть в огонь, переплыть бурную реку. «Что же будем делать дальше?» — обсуждали между собой ребята. Я предложил трижды крикнуть «ура!» в честь баскетболистов и разойтись по домам. Но разве молодые парни умеют тихо радоваться? Разве умели тихо переживать подъем духа в молодые годы мы с вами? Им хотелось действовать. Им надо

том джинсы, не разрешали танцевать ритмические танцы и чуть ли не насильно обучали их бальным. Запрещали дискотеки. Заставляли стричь длинные волосы, а теперь наказываем за то, что они наголо бреют голову... Запрещали и запрещаем, хотя часто повторяем слова Ленина о том, что запрет — признак слабости.

Но только ли слабости? Это и признак косности, отсталости, нежелания или неспособности понять других, особенно молодых. Поймите правильно, я не за вседозволенность, не за распушенность, я за объективный, человеческий подход к жизни, за разговор с молодежью на равных — это ведь и есть перестройка. ■

Более 30 лет назад выпускник Вильнюсской консерватории Виргилиус Норейка связал свою судьбу с Литовским театром оперы и балета. Молодой певец быстро занял лидирующее место в труппе. Завоевал популярность и на концертной эстраде. Шли годы...

Стажировка и дебют в Италии, в «Ла Скала», победы на конкурсах, многочисленные зарубежные гастроли принесли артисту международное признание. Событиями становятся выступления певца на сценах театров Венгрии, Японии, Австралии, США и других стран, в спектаклях ГАБТа, главного театра нашей страны.

«Я очень высоко ценю творчество Виргилиуса Норейки, и более всего живо восприимчивость им оперного искусства, — отказываясь тогда о сотрудничестве с Норейкой знаменитый мастер оперной режиссуры народный артист СССР Борис Похровский. — В его творчестве привлекательны человечность, энергия, улычивость. Подкупает расположение певца к публике, к произведению и образу».

В 1975 году Виргилиус Норейка становится директором и художественным руководителем родного театра. Как важно, чтобы творческим коллективом руководил человек, любящий и тонко чувствующий театр, профессионал. В Литовском театре оперы и балета результат, как говорится, налицо. Дело ведется так, чтобы зрители приходили сюда, как на праздник, чтобы чувствовали: в театре все возвышено, одухотворенно, красиво. И «театр уж полон», как сказано у поэта. Однако как удаётся директору и певцу все успевать?

Народный артист СССР В. Л. НОРЕЙКА дал интервью нашему корреспонденту Е. Петровой.

— Виргилиус Леонович, не мешает ли ваша административная должность творчеству?

— Если бы у меня не было хороших заместителей — друзей-одномышленников, для которых театр тоже главное в жизни, конечно, не успевал бы.

Что такое директор? Двумя словами не ответить. Это, знаете, такой угол театра, в который можно бросать все камни. А собирать их директору. Если в театре что-то плохо — виноват директор. Но я не обижаясь. Мой принцип — помогать лю-

ди. — Обычно вокалисты говорят, что начали петь с детства. А вы, насколько известно, учились играть на трубе, занимались на дирижерско-хоровом факультете.

— Все это было. Но пел я действительно с детства. Даже по радио выступал с детскими песенками. Пока учился в школе, занимался трубой, так как по-настоящему петь было рано. В девятом классе руководил школьным духовым оркестром, делал аранжировки. На дирижерско-хоровое отделение училища поступил потому, что там обязательным предметом было пение. В семнадцатую меня приняли на вокальный факультет консерватории. Это был редчайший случай. Пение давалось пока трудно, и только когда удалось перейти в класс великолепного певца, профессора Кипраса Петраускаса, дело пошло на лад.

— Повлиял ли кто-нибудь в семье на выбор вашего пути?

— Пела мама. Очень хорошо пела. Ей сейчас 82 года. У нее тонкий музыкальный слух, прекрасная музыкальная память, она до сих пор поет бесчисленное множество песен. Голос у нее поставлен от природы. Легкое сопрано. Так что я считаю, что голос у меня от матери, а желание заниматься музыкой, пением — от отца. Он не был так одарен, но всегда ходил на концерты, приучал детей — и своих, и приемных — к музыке.

— В одном из своих выступлений вы назвали пение «искусством всех искусств».

— Это не категорическое утверждение, а пристрастие к своей профессии. Человеческий голос во все времена остается самым драгоценным и выразительным инструментом по красоте, по значению, теплоте, по тому, что он несет слово. Какой еще инструмент на это способен? Петь человек будет всегда, и никакая техника, никакая электроника живого голоса не заменит.

— В последнее время кое-кто утверждает, что оперное искусство приходит в упадок.

— Так же я могу сказать, что гибнет скрипичное искусство, гибнет плавание, но какой плавание гибнет? Плохой плавание, который никому не нужен, когда плохие музыканты играют на плохих инструментах,

На латой звуковой странице слушайте в исполнении В. Норейки «Балладу Герцога» из оперы «Риголетто» и фрагмент сцены смерти Отелло из оперы «Отелло». Музыка Дж. Верди.

ПАРТИЯ ОТЕЛЛО ПОРУЧЕНА ДИРЕКТОРУ

дам, создавать атмосферу, в которой раскрывалось бы все лучшее в людях.

Мне иногда говорят: «Норейка, ты, наверное, появляешься в театре,ходишь, посмотришь, как идут дела, и споконный уходишь». Ничего подобного. Как видите, я на посту и в субботу, и в воскресенье, и в выходные, когда в театре выходной.

Другое меня занимает. Пою я уже много, а голос, как известно, не вечен. Работа директора связана с бесконечными разговорами. Голосовые связки устают. У нас, вокалистов, профессиональная привычка: если мы чувствуем, что голос на пределе, нам не хочется ни разговаривать, ни тем более петь.

в плохом зале, с плохой акустикой. Это не искусство. Вот и оперное искусство гибнет только плохое. Настоящее искусство никогда не погибнет.

Публика может прийти в театр в любом настроении, нои вначале может даже звать, но к концу спектакля он должен решить, что надо еще прийти в этот театр. К нам публика едет на спектакли за 200—300 километров автобусами. Есть у нас еще и традиции: например, 1 сентаврты все зал закулают студенты-первокурсники педагогического института. Если хотя бы десяти из них наш спектакль понравится, через пять лет они приведут к нам в театр детей, школа — это отлично!

— Как выглядит афиша нынешнего сезона?

— Более трех десятков названий. Конечно, классика, романтические опера и балет. Без таких спектаклей, как «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Травиата», не обойтись. Очень популярен у нас спектакль на музыку Б.Павловского «Белоснежка и семь гномов». Идет прокофьевская «Золушка» в постановке школы балета. Мы довольны спектаклем «Норма», опереттой «Летучая мышь», детской оперой «Буратино».

Что касается премьер, то в ноябре поставили новую оперу А.Брагинского «Пляма» в честь 70-летия Октября. После Нового года — «Свадьбу Фигаро». Планируем новую постановку балета «Голубой Дунай». Будем ставить «Фауста» и балет-модерн молодого, но уже признанного композитора В.Кутавичюса. Кроме того, в планах детская опера В.Тельникиса «Малыш и Карлсон».

— Есть в театре проблема с пополнением труппы?

— В основном солисты оперы — выпускники Вильнюсской консерватории. У нас неплохо преподают пение. И мы каждый год можем выбирать. С балетом сложнее. Хотя большинство из тех, кто у нас работает, выпускники Вильнюсской балетной школы.

— Кто из солистов оперы вы бы выделили?

— Тенора Сергея Ларина и баса Владимира Прудникова. Они воспитанники литовской консерватории. У нас поет армянин Гегам Григорян, прекрасное меццо-сопрано Ниле Андрашяйте, но, пожалуй, самая яркая фигура в оперном искусстве нашего театра — певица Ирена Милькявичуте. В общем, певцы у нас хорошие. А спектакли бываю лучше, бываю хуже.

— А ваши ученики есть в театре?

— Да, уже девять моих бывших студентов поют в театре.

— Каковы ваши личные творческие планы? В каких спектаклях вы заняты?

— Я мог бы петь в десяти спектаклях, но занят один раз в месяц в одном «Отелло». Почему? Потому что финансовые правила не позволяют. Как видите, и директор был жертвой бюрократических препон.

Что бы я хотел исполнить? Партию Хозе в «Кармен» в новом переводе на литовский. Вероятно, сплю в «Плячах». У меня в репертуаре свыше сорока оперных партий. Надо подготвить сольные программы. Хочу обратиться к произведениям Малера, Мусоргского.

— Вы считаете себя счастливым человеком?

— Разве по мне это не видно?! ■

5

Сцена из оперы «Отелло». Дездемона — И. Милькявичуте. Отелло — В. Норейка. Фото А. ЖИЖЮНАСА, А. СТЕПАНОВА

В начале года печать энергично подводит итоги предыдущего. В первом номере «Кругозора» пыталась это сделать и я в самой краткой и общей форме, диктуемой объемом. Но тем временем возникли споры о том, что же все-таки считать главным литературным событием года. Вопрос этот ставят в своих письмах и читатели, добываясь, по-видимому, от критиков точных, а не уклончивых, «перечислительных» ответов.

Высказу свое мнение: публикации. В первую очередь — «Котлована» А. Платонова, «Собачьего сердца» М. Булгакова, «Повести непогашенной луны» Б. Пильняка. И совсем не случайно именно этот крен литературных журналов в сторону подобных публикаций вызывает наиболее резкие возражения тех, кому явно не по душе процесс демократизации общественной жизни. «Задержавшаяся» проза — феномен нашего века.

Время отвергло некогда писателя, бросающего в лицо ему обвинения, которых оно, время, слушать не желало. Нынешнее время вспомнило об отлученных и решило их выслушать.

В 1976 году в издательстве «Художественная литература» вышел том «Избранных произведений» Бориса Пильняка. Это само по себе замечательно, ибо имя столь значительного писателя, арестованного в 1937 году и в заключении погибшего, было известно лишь узкому кругу.

Том был довольно куцый, и автор предисловия, опасаясь, видимо, «неподготовленности» читателя, старательно указывал на «заблуждения и идеальные шатания» Б. Пильняка. Упомянув, в частности, «Повесть непогашенной луны», он говорил о ней как о «политической ошибке», «необъективном, искажающем советскую действительность произведении».

И вот недавно в журнале «Знание» № 12 за 1987 год опубликована эта повесть, 60 лет назад вызвавшая литературный скандал (тираж журнала «Новый мир», тогда ее начатавшего, был конфискован). Посмотрим теперь, что же в ней «искажающего» и «ошибочного»?

Сюжет повести прост. Командир Гаврилов, полководец, имя которого обросло «легендами войны», имевший право и волю посылать людей убивать себе подобных, оказался лишенным права и воли послушаться приказа другого человека. А приказ, в сущности, невинный — лечь на операцию.

Но тягостно-значительна и зловеща в повести фигура «негорбющегося человека», очнами сидящего над книгами о государстве, праве и власти. Человек, который говорит «громко и твердо, и каждая его фраза была формулой», обладает правом разговаривать с прославленным командиром как товарищ и командир («Я тебя позвал потому, что тебе надо сделать операцию... Профессора тебя ждут... Я уже отдал приказ») — и отдает приказ одному из профес-

соров, приказ, смысл которого постепенно доходит до читателя. Вот оно, то, что иным современникам писателя казалось «искажением действительности». Человек устраняет с политическою арены своего соперника, прибегнув к изуродованному приему, а потом лихорадочно склоняется над трупом товарища, сгубленного на операции: «Прощай, брат!»

Могло ли так быть? Нет же, ошибка, клевета, сплетня, наконец (в Гаврилове современники узнавали М. В. Фрунзе, обстоятельства смерти которого довольно прозрачно описаны автором повести).

Но даже если все эти обстоятельства и не давали веских поводов считать Сталина виновником гибели Фрунзе (хотя есть свидетельства, что именно Сталин настаивал на операции, которой противился Фрунзе), то все равно Б. Пильняк создал произведение поистине творческое. В современном романе А. Рыбакова «Дети Арбата» изображена сложная интрига, приведшая к убийству Кирова. Теперь, в середине 80-х, мы кое-что знаем о недовольных методах политической борьбы, применявшихся в прошлом. Но какой интуицией надо обладать в 1926 году, чтобы написать повесть, в которой просматривают и 1934-я, и 1937-я?

И насколько же по-иному читаем эту повесть мы сегодня, обогащенные нашим историческим опытом! А с другой стороны, как разрушают эти публикации годами бивавшиеся стереотипы сознания. «Все верили, никто не знал, никто не понимал», — вынули нам.

Но ведь сомневался же А. Платонов еще в 20-х в возможности построить великолепное здание для одной части человечества, уложив в его котлован трупы другой части, и сомнения эти генетически восходят к сомнениям Ф. М. Достоевского в моральности возведения здания «счастья» человеческого на слезинке ребенка. Что же, цитируя знаменитые рассуждения о слезинке, мы так боимся «неподготовленности» читателя к «Котловану»? Да, может, как раз Достоевским-то он, читатель, в особенности молодой, подготовлен?

Сомневался и М. Булгаков в возможности одним махом создать нового человека и новую культуру вопреки оптимизму своих оппонентов (повесть «Собачье сердце»). И если теперь мы, спохватившись, заговорили о «человеческом факторе», стали вспоминать собственную историю, размышляя, где, в каком месте свернули не на ту дорогу, то разве не новым смыслом наполняются старые предостережения тех, кто загодя видел обманчивую легкость и доступность такого, казалось, простого пути?

Вот почему эти давние — полувековой давности — произведения оказываются не только восстановлением исторической справедливости (что само по себе важно), но, быть может, главным событием литературного «сегодня». ■

Алла ЛАТЫНИНА

ЛИТЕРАТУРА:
МЕСЯЦ ЗА МЕСЯЦЕМ

-Старый город оживает в звуках и ритмах настоящего карнавала, который заставит дрожать даже камни мостовых» — поет Чико Буарке в зажигательной самбе

-Все придет» (Чико Буарке, Фрэнсис Хайм). Ее и самую первую самбу — «По телефону» (Донга) в исполнении Альмиранте вы услышите на девятой звуковой странице.

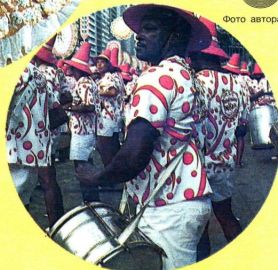

ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО САМБА

Игорь ФЕСУНЕНКО

9

Фото автора

Каждый год в самом конце лета — в феврале или марте (не удивляйтесь: речь идет о Бразилии, находящейся в южном полушарии) — эту страну охватывает ни с чем не сравнимая лихорадка карнавала. Видимо, бразильцы правы, считая его самым массовым народным праздником. На три дня и четыре ночи Рио-де-Жанейро становится с ног на голову: «сильные мира сего» выезжают в загородные поместья, а с окрестных гор, где трущобы фавел, на широкие авенюды и узкие улочки города спускается бедный люд. На эти три дня город принадлежит народу.

Сегодня никто уже не помнит, как и когда это началось. Истоки бразильского карнавала теряются в ритуальных танцах африканских племен, насильственно вывезенных на кораблях работорговцев из Африки в Америку в XVII—XVIII веках. Африканцы придали карнавалу негритянскую страстность, эмоциональность, ритм. А португальцы, которые вместе с африканскими рабами тоже являются прадедами бразильцев, постарались внести в карнавал пышность и великолепие придворных европейских балов.

Еще на рубеже прошлого и нынешнего веков бразильский карнавал ничем не напоминал сегодняшнее царство Ее Величества Самбы. В те сравнительно недавние времена по улочкам Рио-де-Жанейро двигались вполне респектабельные шествия старинных экипажей. Чинные барышни в кринолинах, отделанных кружевами, осыпали серпантинном зевак и нагрядали воздушными поцелуями гимназистов, изнемогающих от жары в нагложенных мундрах. Над всем этим благочиением витали звуки вальсов и полек. Гремели медью военные оркестры, шныряли мальчишки, обрызгивающие прохожих надушенной водой.

Где-то на рубеже 10—20-х годов среди этой публики вдруг стали все чаще появляться негры и мулаты. В чинный праздник элиты они вносили элемент беспокойства. Звуки вальсов вдруг стали заглушаться и вытесняться странными, лихорадочными ритмами. Вместо губных гармошек загрохотали барабаны. Правда, это случилось не сразу. И самая первая самба — «По телефону», которой исполнилось ровно семьдесят лет, весьма далека от того, что можно услышать сегодня на улицах Рио-де-Жанейро. Но именно потому,

ПУТЕШЕСТВИЕ С МИКРОФОНОМ

что она первая, она звучала на всех без исключения карнавалах за все эти семь десятилетий.

Сложил ее самодельный композитор Донга, симпатичный мулат, живший в одном из рабочих пригородов Рио. Ему удалось угадать настроения тех, кто постепенно выходил на карнавалы шестия на смену барышням и гимназистам,— негров и мулатов фавел. Его самба «По телефону» высмеивала незадачливого шефа городской полиции, попытаться превратить веселый народный карнавал в чинный добродетельный обряд. Все последующие годы, когда случалось, что строгая цензура запрещала создавать самбы, высмеивающие власть иущих, старенькая песенка Донги работала безотказно.

Слушая те первые самбы с их вскрикивающими саксофонами, с переливами флейт и томными переборами банджо, старики, возможно, вспоминают давно ушедшие годы: фильмы неотраивой Мари Лиффорд и вечно грустного Бестера Китона, кожаные куртки, «живые газеты», призывавшие к мировой революции, красивые косынки и стихи В. Маяковского. Цепь ассоциаций весьма сложна, но все же упомянутые выше ее «звенья» исторически соседствуют друг с другом...

А потом самба стала совсем иной. Куда более яростной, страстной, необузданной. На смену флейтам и банджо пришли большие барабаны. Вместо гармоник зазвучали куики, пандейро и тамбурины. И самые лучшие композиторы, музыканты и певцы Бразилии тоже стали служить самбе, королеве бразильского карнавала, подобно знаменитому Чико Буарке и Фрэнсису Хайму, которые сложили ставшую в последние годы одной из самых популярных самбу «Все пройдет».

Со страстью и яростью рассказывает она о карнавале сумасшествия и безумия, охватившем страну в шестидесятых — семидесятых годах, когда у власти в Бразилии находились генералы, когда лучшие сыны народа были изгнаны или находились в тюрьмах, а карнавалы площади были отданы «убогим баронам» и «фальшивым Наполеонам», недостойным считаться гражданами великой страны Бразилии. «Но все пройдет,— поется в этой самбе.— Все же проходит, все становится на свои места, и жизнь удивительно хороша!»

В начале наше знакомство было заочным. Руководитель эстрадного оркестра «Октава» Миндаугас Тамошонас, рассказывая о новшествах своего коллектива, отметил, что недавно к ним пришел совсем молодой солист Жильвинас Бубялис. «Пожалуй, самый молодой в республике, ему всего лишь 19 лет,— объяснял Миндаугас,— но хорошо держится на сцене, нравится публике. И мне он пришелся по душе своей независимостью, трудолюбием, увлеченностью творчеством».

Вскоре мне представилась возможность убедиться в правоте этих слов. Весной в Вильнюсе проходил традиционный конкурс молодых эстрадных певцов республики «Башни Вильнюса». Жильвинас Бубялис заметно выделялся среди конкурсантов. За кулисами он держался скромно, с достоинством. А на сцене, что называется, свой парень — веселый, обаятельный, умеющий зажечь зал.

В нем чувствовался спортивный азарт. Жильвинас действительно занимался спортом и, судя по результатам, имел шансы прославиться в легкой атлетике. Но... выбрал музыку. На конкурсе в Вильнюсе он завоевал, пожалуй, самый почетный приз — «Симпатичный публики». И сразу же после заключительного концерта лауреатов и дипломантов конкурса с оркестром «Октава» уехал на гастроли в Африку. Уехал с тем, чтобы в середине лета, возвратившись домой, успеть на конкурс в Юрмалу.

И вот наша вторая встреча. Жильвинасу уже 20 лет. Его узнали и полюбили зрители и у нас в стране, и за рубежом. В фонотеке радио появились его записи.

Перед открытием конкурса на вопрос журналистов: «Что бы вы хотели себе пожелать?» — Жильвинас ответил: «Не просто желаю, а мечтаю избавиться от простуды». Умение владеть собой, быть предельно собранным — все это помогло конкурсанту скрыть от зрителей и от жюри свое так нехотки разыгравшееся недомогание. Жильвинас Бубялис не вошел в число лауреатов, а занял почетное место среди дипломантов конкурса. Но имя его запомнилось.

Третья встреча с Жильвиносом Бубялисом состоялась в Москве, в редакции радио. Он вспоминал напряженные дни юрмальских соревнований, огорчение по поводу своих выступлений. А потом сказал: «Конкурсы просто необходи-

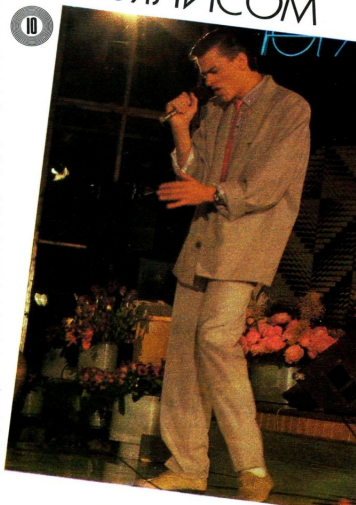
мы. Ведь фактически это единственная возможность увидеть всю музыкальную картину нашей страны и реально почувствовать свою музыкальную платформу. Я, например, еще для себя не выбрал определенный стиль. Мне нравятся рок-н-ролл, буги-вуги, нравятся сложные песни-композиции, лирические баллады... Хочется попробовать, искать. Конкурс собирает вместе певцов примерно одного возраста, работающих в разных стилях. Слушая, на примере других многое для себя открываешь. Может быть, не сразу, но обязательно что-то новое войдет потом в твою работу. Только мне кажется, что конкурсанты боются рисковать. Стараясь свое выступление приблизить к уже в какой-то степени привычному канону. Появляется скованность, возникает похожесть. Пусть будет побольше неожиданностей».

Людмила ДУБОВЦЕВА

На десятом звуковой стране — песни Г. Абарюса и Г. Здебюсика «Старые буги-вуги» (русский текст Д. Бубялис) и «Свидание»

фото Е. МАТВЕЕВА

ТРИ ВСТРЕЧИ С БУБЯЛИСОМ

ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ

Темы сегодняшнего разговора подсказаны вашими письмами. Почти в каждом из них мы находим острое личностное, несхожее отzewье о наших печатных публикациях и звуковых страницах. Не всякий раз с ними можно согласиться, но большинство подкупают искренностью, живым интересом к нашим общим заботам.

Начать хочется с письма, которое, по правде сказать, встревожило. Вот оно: «Учусь я в школе, в городе Рязань. На уроках сижу-отжигиваюсь, как бы отбывая повинность и жду не дождусь, когда они кончатся, чтобы скорей вернуться домой и включить магнитофон с любимыми записями. Готова слушать их постоянно. Мама ругается. Меня не понимает, а я ее. Что мне делать? Т. 3.»

Может быть, кого-то из наших читателей тоже волнует подобные проблемы: напишите нам, как вы разрешили их. Ваши ответы мы опубликуем в одном из ближайших обзоров писем.

Мы еще вернемся к этой теме. А пока познакомлю вас с ребятами, которые, судя по их рассказу, не скучают: «У нас в школе мы организовали клуб воинов-интернационалистов. Агенты несут службу в Афганистане. И мы решили поддерживать далеких друзей своими письмами, делиться радостями, успехами в учебе, рассказывать о том, как живет наша страна. Р. Алимкеров, Челябинская область». Такие факты, свидетельствующие об активной жизненной позиции, встречаются в письмах все чаще. Еще учась в школе, ребята не хотят быть обузой для общества, в котором идет перестройка. Но мы с вами знаем и о том, что к сожалению, приходится сталкиваться с инертностью, несамостоятельностью, бездуховностью некоторых молодых. Но не везде же так, может быть, и у вас иначе?

Обращают на себя внимание письма читателей, которые считают, что журнал должен отводить все свои страницы главным образом современному року, который может заменить им все музыкальные жанры. Напомним нашим читателям, что совсем недавно самой современной признавали музыку в стиле «диско» и поклонники у нее были не меньше. Мода

и в музыке недолговечна, а Бах, Моцарт, Шостакович, Прокофьев всегда современны и близки человеческой душе. Так мы считаем. А что думаете вы?

Читательница Н. Сорочкина из г. Скопина, размышляя о музыке, пишет так: «Я учитель, стаж 28 лет. Скольким поколениям школьников стали известны и близки музыка Перголези, Альбонино, Бивальди, познакомились они и с песнями наших современников Ю. Визбора, В. Высоцкого, А. Суханова. Пусть не покажется странной моя просьба: наряду с нашими прекрасными исполнителями серьезных произведений я хотела бы услышать на страницах журнала песню «Где снега тропинки заметают» в исполнении Юрия Визбора». Такие просьбы повторяются часто.

В одном из ближайших номеров мы намерены рассказать о творчестве нашего товарища, многие годы работавшего в «Кругозоре», журналиста Юрия Визбора. И, наконец, ответ читательнице Т. 3. в город Рязань, письмо которой открывало наш обзор. Многие философы задумывались над вопросом: что это такое — время? И каждый из них торопил его, время, но не для того, чтобы прожить быстрее, нет! Ведь каждый новый день — это возможность снова действовать, участвовать в общих заботах, а значит, активно жить! Конечно, нет ничего плохого в вашем стремлении слушать любимые записи. Но только надо ведь знать и меру. Задумайтесь, не заслоняет ли это от вас всю многогранную палитру жизни, не обедняет ли вы себя, посветив одному элементу все свободное, а если судить по письму, и не только свободное время? Если это так, то бесполезно вашей мамы вполне можно понять.

И последнее. Вы уже познакомились со вторым номером нашего журнала, который теперь выходит в новом формате. Напишите, устраивает ли он вас, удобнее ли стало прослушивать пластинки? Какие у вас желания, с кем вы хотели бы встретиться на страницах «Кругозора»? ■

Марина НАТАЛИЧ,
редактор по письмам

Рисунки В. БЫЛИКИНА

2 (287)
февраль
1988 г.
Год
основания
1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ

© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВещАНИЮ
1988 г.

На первой
странице
обложки
Фото
Б. Задвиля

Звуковые
страницы
отгавлены
Весовой станцией
студий грамзаписи
фирмы
«Государственным
Домом
радиовещания
и звукозаписи»

Сдано в набор
14.12.87.
Подп. к печ. 22.12.87.
Б 03018.
Формат 84 × 108 1/8.
Офсетная печать.
Усл. п. л. 1,68.
Чт.-изд. л. 3,50.
Усл. кр.-отт. 6,30.
Тираж 255 000 экз.
Зак. 1773.
Цена 1 р. 50 к.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
типография
имени В. И. Ленина
издательства
ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП,
Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Технический
редактор
Л. Е. Петрова

В полутемном сумеречном коридоре перед кабинетом врача сидят озабоченные мужчины. Стоит только взглянуть на лица, и видишь, как им все надоело, а лучше всего — вернуться на стульях и ждать вызова к человеку в халате.

Дверь распахивается, из кабинета выходит полный, широкобедный блондин с маленькими желтыми глазками и презрительно выпяченными губой, он прожовывает ослепленным взором засуетившегося очередника, затем оглядывает сидящих, вздыхает, кричат, машет дланью и, достав сигарету, просит огов.

Лысовый штен с птичьим носиком подносит к его устам зажималку, а сухоплый мятый мужчина с красным лицом в обильных складках, словно он только что встал с дивана после многочасового сна, назидательно проносит:

— Медичина не рекомендует. Широкобедный блондин вздрагивает и угрожающе к нему поворачивается. В желтых очах его зажигается недобрый мещинтерьерский свет, губа оттопыривается еще больше, точно выталкивая наружу сардоническую ухмылку: — Ах, так они не рекомендуют? Не ре-ко-мен-ду-ют... скажите! — От убийственного сарказма, от желчи высокой голос его обретает неприсущую ему красоту... Вы еще, стало быть, полагаете, что их соцветия имеют цену? А вы попробуйте им последовать — сразу угодите в тулик!

— Отчего же? — бурчит сухопарый мужчина. — Я бедняк... по мере возможности.

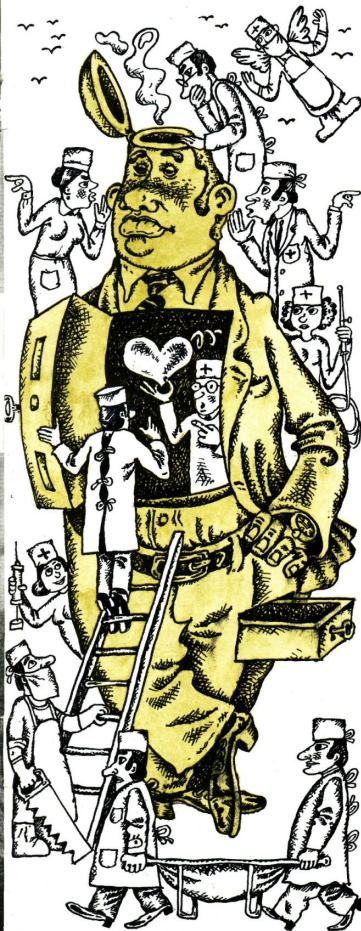
— Занято, как у вас это выходит? — издевательски спрашивает негилит. — Один говорит: не кури! Вы не курите. Другой скамандует нервы беречь, а вам, представьте, чтоб успокоиться, необходимо затнаться. Кого ж из них прикажете слушать?

Он быстро затгивается и продолжает с еще большим ожесточением:

Леонид
ЗОРИН

СТРАНИЧКА ПОДРОБА

ПА-
ЦИ-
ЕНТ

— Кто говорит: у вас мало соли, кто говорит: исключите соль! Один: голодайте! Другой: не смейте! Втирайте каждый день мумие! Не втирайте — канцероген! Бегайте! Смотрите, добегаются! Стрессы вредны! Стрессы нужны! Разговаривают с тобой, как с кретинином! Будто ты не критический интеллект, а сундук в чулане — лихач что угодно. Смотрят на тебя, как на попку. Слово нет у тебя ни самосознания, ни достоинства, ни собственной личности. Измываются откровенно, нагло, как настоящие садисты. Я уж не говорю о бесстыдстве. Все нужно мне знать, до всего мне дело. А что толку? Каждый гнет свою линию! Один выживает: живите естественной жизнью, не забывайте, что вы мужчина. Другой орет: забудьте про женщин! СПИД! Чума двадцатого века! Не смотрите в их сторону. Табу! Так что же, спрашивается, я должен забыть, что я мужчина или что есть женщины?

— При чем здесь табу, не превеличайте! — бормочет шатен с птичьим носиком. — Вы ведь наверху женаты?

— Покорнейше вас благодарю, — кланяется широкобедный страдалец. — А вы ее видели, мою жену? Вы сначала на нее посмотрите, а потом давайте ваши советы.

— Зачем мне смотреть на вашу жену? — зардевшись, говорит птичий носик. — У меня есть своя.

— Поздравляю вас, — усмехается непримиримый блондин. — Тоже, думаю, невелика радость. Птичий носик краснеет еще пуще, хочет взорваться, возвратит, но вдруг останавливается на полуслове и сморщивается на глазах, как шарик, из которого выпущен воздух.

— То-то и оно... Широкобедный выразительно машет рукой. — Говорю вам: они безошибочно действуют. Загонят в угол, а там и барахтайся. Я-то их хорошо изучил. До доньшца вижу всю их сущность. Их главная цель — повзраться вам навеки. Чтоб вам от них никогда не вырваться.

Человек с лицом в складках и вмятинах философски пожимает плечами:

— Поздняя осень... врачи налегли...

Эта улыбка фаталиста еще больше расплывает мятежника:

— Вот именно! Как хищная стая! Налетели и грызут твоё тело и рвут его на клочки, на части! Хоть бы кусочек тебе оставили, нет, им тебя подавай всего! Стервятники, ничего не упустят. Дернул черт пойти к одному разбойнику. За одну неделю он обнаружил колит, гастрит, диабет и язву. Бандиты. Бандиты с большой дороги. Знаете: кошелек или жизнь. Но здесь кошелеком не отделаться.

Он собирает в легкие воздух и с неподдельной страстью выдыхает:

— За какие грехи они нас терзают? Расстолкуют? Где я, что я им сделал дурного? Мне я перебежал им дорогу? За что они мне мстят с такой ненавистью? Никого из них я пальцем не тронул. Так вы же не трагите и меня, я вас больше ни о чем не прошу! Нет, пока не заругаете меня до смерти, не уймутся, не успокоятся. Пока не жарится твоим мясом, не отвалится, мертвое дело!

— А хирургий? — говорит сухопарый. — Разве они не помогают?

— Разумеется. Они помогают. Отпадают вам четыре конечности, вынут из вас селезенку, печеньку, вдобавок половину кишечника, и живите себе на здоровье. Радайтесь! В небе солнышко светит, птички чирикают, чем не жизнь? — Так что же, по-вашему, не лечиться? — волнуясь, спрашивает шатен.

— Лечитесь! — взвизгивает широкобедный. — На том свете оброчно эту проблему. Дело вкуса! Если ты баран по натуре, овца из стада, мясо пушечное — тогда, конечно, вперед на бойню! Это твоя прямая дорога. Но если ты человек духовный, как сказано, мыслитель тростник, тогда у тебя нет больше иллюзий. Нет этой straw-овой защиты!

— В конце концов что же вы предлагаете?

— Понять, что все мы — жертвы обмана! — В высоком голосе бунтаря рождается пафос вероучителя. — Тысячу лет они внушают: в здоровом теле — здоровый дух. Это и есть западня, ловушка! Вот так нас приманивают, как рыб на живца. Нарочно придумали, чтоб нас поставить в полную от себя зависимость. Все обстоит наоборот: где дух здоров, там и тело здорово. Покажем им, черт возьми: мы — не рыбы! Дадим себе клятву: ни шагу сюда! Необходимо объединиться! Поодиноким они перероят нас, а вместе, может быть, устоят!

— Но если станет немощу? — допытывается птичий носик.

— По крайней мере погибнем как люди! — Желтые глаза широкобедного исторгают фанатичное пламя. — Если нельзя спасти здоровья, то хотя бы спасем достоинство. Хотя бы честь! Не последнее дело. Если уж суждено помереть, умрем стоя, а не на коленях, не вываливая у них миллионно.

Он генеральски озирает своих пониких собеседников, озабоченно взглядывает на часы и быстро проходит в конец коридора. Там, скорбно скрестив на груди руки, он с достоинством занимает место в очереди перед другим кабинетом.

ГРУППА «ДЖЕМИНИ»

На двенадцатой звуковой странице — песни «Эта девчонка сводит меня с ума» (Дан Сундквист, Андерс Гленмарк, Бьорн Ульвеус) и «Мю, мой Мю» (Бенни Андерссон, Бьорн Ульвеус, русский текст С. Олейника)

«Джемини» в переводе с английского значит «Близнецы». Но это не только название созвездия, хотя брат и сестра Андерс и Карин Гленмарк, которые выбрали его себе в качестве сценического имени, и являются восходящими звездами мировой эстрады.

Идея создания этого интересного творческого союза родилась в стоковой студии звукозаписи «Полар», той самой, где в 1980 году была выпущена последняя пластинка ансамбля «АББА». После этого печального для поклонников и Бьорну Ульвеусу, мужской половине коллектива, поступило множество заманчивых предложений записать пластинку в содружестве с поп-звездами мирового класса. Однако они остановили свой выбор на никому за пределами Швеции не известных брате и сестре Гленмарк. Почему?

«Объясняется это очень просто, — говорит Бьорн Ульвеус, — они очень талантливые ребята...» На предложение участвовать в записи Карин и Андерс откликнулись с энтузиазмом. В пластинку под названием «Джемини» вошли шесть новых песен Бенни Андерссона и Бьорна Ульвеуса и три песни Андерса Гленмарка. После ее выхода в свет многие спрашивали: «А не копия ли это группы «АББА»?» Но сам Бенни категорично заявляет: «Нет!» А Карин и Андерс добавляют: «Нас сравнивают с группой «АББА». С этим ничего не поделаешь, но мы постараемся выдержать сравнение, потому что не новички в своем деле».

Хотя Карин и Андерсу едва за тридцать, их уже можно назвать ветеранами шведской поп-музыки. Еще в шестидесятые годы они вдвоем выступали в различных составах. В семидесятых пели в очень популярной группе «Гленмарк», у которой было несколько золотых дисков. В 1983 году брат и сестра стали победителями песенного конкурса «Приз Кюкке» в Велгги. Надо сказать, что вот уже несколько лет Андерс Гленмарк успешно выступает в роли композитора и продюсера.

Пластинка «Джемини», вышедшая в 1985 году, быстро поднялась на верхние отметки шведских хит-парадов. А в 1987 году появилась новая — «Джеминизм». В нее вошла песня, которую Карин Гленмарк исполнила для советско-шведского фильма «Мю, мой Мю» по одноименной сказке Астрид Линдгрен. Для звуковой страницы «Кругозора» Карин специально записала фонограмму с русским текстом этой песни. ■

Цена 1 р. 50 к.
Индекс 70461
ISSN 0130-2698